

ВЗВОД ЛЕЙТЕНАНТА Николай Лощинина завершил штурм высотки, занял новый рубеж, ожидая приказа наступать. Улица удалялась, уставленная пятиэтажками. Низкое вечернее солнце освещало посечённые снарядами стены, и они казались позолоченными. Улица вела к площади и дальше, в порт. Лощинин знал, что за чередой пятиэтажек, за тлеющими дымами, горящими кварталами, рухнувшими памятниками, за изуродованными скверами, коробами подбитых машин, за грохотом раскалённых стволов, кровавыми бинтами, обгорелыми трупами таится чудная синева — спасительная, благодатная. К ней пробивался Лощинин сквозь изувеченный город, чтобы остыть, окунуться в лазурь, смывать копоть солёнки, пороховую гарь, кирпичную пыль, кровь убитого пулемётчика. В этой синеве — спасение, он скроется в ней, станет невидимкой, уцелеет среди пуль. Город своими пожарами, падающими домами, проклятиями, хрипом команд мешал коснуться лазури. Был помехой, которую надо смести.

Он убивал помеху, мешавшую коснуться лазури. Городу удалялся в чело­вость, выбивали зубы, он лязгал, плевал кровью и не пускал.

Противник, потеряв высоту, откатился и занял оборону в соседнем квартале. Квартал тонул в дыме, и было неясно, как далеко проходит рубеж, где наступающая часть будет встречена пулемётами, как далеко смогут выдвинуться боевые машины, чтобы не попасть под гранатомёт.

Лощинин говорил разведку. Он скрывался за коробом сгоревшего автобуса вместе с чернобородым ополченцем. Оба штурмовали высоту. Ополченец с позывным "Ладный" был расстрелян недавним боем. Георгиевскую ленточку смял ремень бронжилета. На плече выдран клоч. В бороде пыль штукатурки. Его автомат имел лысый приклад, сизый, без воронёной, ствол. Ремень был замызган прикосновениями потных, грязных ладоней. Автомат, прежде чем попасть к ополченцу, своевал не одну войну. Побывал на Кавказе, а то и в Африке. Теперь строчил в Донбассе.

— Слышь, они отошли за дымы, к дальним высоткам. Ты машину пошли, пусть пошупает, постреляет. Они себя покажут. — Они покажут. Машину сожгут, — Лощинин ждал, что в рации забублют пузырьки, и ротный отдаст приказ наступать. — Одну машину потерял, со второй обожду.

— А ты хотел бы потерь? У меня от батальона за месяц пять человек осталось. — У меня сегодня два "двухсотых". — У меня шесть "двухсотых". Машину не пошлешь, пешим пойду. Дай своего. — Возьми.

ВЫСОТКА СТОЯЛА поодаль. Тень накрывала улицу и близкие дома. Но там, где кончалась тень, улица сверкала огоньками разбитых стёкол. Огоньки были голубые, золотые, красные, словно разбили многоцветную люстру. Вечернее солнце делало изуродованную боем улицу сказочной. Таким многоцветьем сверкал когда-то росистый луг, по которому шёл Лощинин. Солнце уйдёт, улица погаснет в сумерках с чёрной грязью асфальта, мутью серых фасадов.

Высотка заслоняла солнце. Казалось, воздух вокруг неё горел и светился. Дымы из окон, слабо заметные в тени, попадая на солнце, становились розовыми. На фасаде чернели дыры. По этажам в квартирах лежал убитый украинский спецназ. Выше, под самой кровлей, осыпало тяжёлое тело убитого Лощинным пулемётчика. Высотка осыпала вместе с убитыми, смотрела на Лощинина мёртвыми глазами из-под намалёванных копотью бровей.

— Ваши ходили по квартирам, добивали раненых укров, — сказал Лощинин. — Считаешь, это правильно?

— После каждого убитого укра руки становятся чище, — Ладный показал Лощинину большие ладони, разбитые отбойным молотком и автоматом. — У меня к ним жалости нет, ни к раненым, ни к мёртвым. Я всё ищу одного ихнего мужика и девку. Если мёртвыми найду, возьму магазин всаху.

— Так ненавидишь?

— Ненавижу.

— Какие мужик и девка?

Ладный оглянулся на высоту, где в разгромленной квартире, среди обго-

релых шкафов и битой посуды сидел, прислонившись к стене, мёртвый спецназовец. Ладный, покидая высоту, помогал спускаться по лестнице убитых ополченцев. Заглянул в квартиру, увидел раздавленные башмаками чайные чашки, цветок на окне, аквариум с мелькавшими рыбками. Раненный то-скиво смотрел: "Помоги, брат!" Ладный скинул с плеча автомат и всадил очередь. Вернулся на лестницу, схватил за ногу убитого ополченца, помогая нести.

Теперь Ладный наматывал на палец чёрный завиток бороды. — Мы люди шахтерские, день на земле, два под землёй. С нас уголь ни в какой бане не смывать. — Ладный моргал, ободки его век были чёрные, как подведённые тушью. — Мы в Крым с мужиками ездили, в ихних делах участвовали, на митингах выступали, чтоб в Россию войти. К себе вернулись и решили у себя в Алексеевке Крым устроить. Стали митинговать за Новороссию, за Россию.

Солнце уходило, тень накрывала улицу, и цветные стёклышки гасли, словно их подбирали и уносили с дороги. — У нас, на Алексеевской шахте, главный инженер Аркадий Георгиевич Лихтер. Много изобретений сделал, открытый, ордена имел. Такой солидный, вежливый, с шахтёрами за ручку здоровался. Он стал митинги собирать. Народ его слушал, шёл. Он на трибуне под красным знаменем. Шахта при советской власти имела переходящее Красное знамя. Стояло под стеклом, в дирекции. Украина отделилась — красные флаги убрали, все доски почёта, все звёзды. Аркадий Георгиевич знамя домой унёс и берёт. Когда митинги пошли, он знамя на трибуну поставит и в микро-

автомата в потолок. Попал в люстру. Люстра красивая, в половину потолка, из хрустала. Весь хрусталь посыпался людям на голову. Темно, чуть сбкою подсветка. "Скакаты!". И снова — шарах из автомата.

Мужик с девкой на сцене скачут. "Кто не скачет, тот москаль". "Нацки" с дубинами скачут. "Кто не скачет, тот москаль!" Народ с кресел встал и начал скакать. Женщины воют и скачут, дети плачут и скачут. "Кто не скачет, тот москаль!" "Нацки" ходят и бьют дубинами. Аркадий Георгиевич, лицо в крови, кричит: "Народ, не скачи! Не скачи, народ!" Его оглушили. Все рёвом ревут и скачут. А девка хохочет, с мужиком взявшись за руки и танцуя вприпрыжку. "Стоп! Наскакались! Нету москалей, а иуды остались. Мы вас отпустим, а чтобы не потерялись, будем клеймить. Клеймо будем ставить". Люди расселись, ждут. Час ждуть, другой, третий. Выходит мужик с наколой и несёт на сцену жаровню, проще сказать, мангал, шашлычницу. В ней угли горят. В руке шампур, на шампур крест прива-

рен. Немецкий крест, которым немцы в войну награждали. Кресты в любом музее лежат. Крест чёрный, ободок серебряный, а в середине свастика. Мужик этот крест с шампуром положил на угли. "Выходи, клеймить буду!" Никто не идёт, жмётся. "А ну, ты давай!" И на Сергея Николаевича, машинистом на шахте работал. "Давай, выходи!" "Не пойду, я тебе не скотина". Мужик ему из автомата в живот. Наповал. "Кто ещё не скотина?" "Нацки" ходят по рядам, вытаскивают и гонят на сцену. С мужи-ми срывают поджиги, рубяхи. Девка снимает с углей крест. Он раскалённый, красный, на конце шампура светится. И к спине прижимает. Ор, стон!

Александр ПРОХАНОВ

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Глава из романа

фон говорит: "Мы с Россией навек! Нас от России топором не отрубят! Нам с Бандерой не жить! Он наших отцов и дедов мучил! Его Гитлер крестом награди! Пусть бандеровские вунчи к нам покажутся. Мы их отбойными молотками встретим!"

Народ кричит "Ура!", женщины, дети. Аркадий Георгиевич на трибуне стоит, знаменем машет: "Под этим знаменем мы Бандеру победили, и внучков его победим!" Аркадий Георгиевич списки стал собирать за референдум, чтобы от Украины отделяться и в Россию идти. Народ только "за". Собрались на митинг, на площади у Дворца культуры. Красивый дворец, с колоннами. Мрамор, хрустали. Подарок шахтёрам от Сталина. Весна, яблоны цветут. Аркадий Георгиевич знаменем машет: "Русская весна!"

Такое у всех хорошее настроение. Женщины в нарядных платьях, дети с цветками, все поём "Катюшу". Аркадий Георгиевич машет знаменем: "Слава России!"

И тут автобусы. Один, другой, третий. Штук десять, прямо в толпу. Из автобусов валят "нацки". Тогда завалил "Правый сектор*", теперь полк "Азов". С дубинами, автоматами. Площадь в кольцо, и погнали народ во Дворец культуры. Кто разбежался, а кого затопка-ли. Аркадия Георгиевича с трибуны долой, знамя вырвали. Волокут в Дворец. Зал, где спектакли играли, — битком. Женщины воют, дети плачут. "Нацки" с дубинами ходят по рядам, бьют наотмашь. "Что, москаль? Не сахар?" "Какие мы москаль? Как и вы, хохлы!" "А тогда вдвойне, как Иуды!" И бьют, и молотят! Девка среди них, как змея, пятнистая, глаза злощие, вёсёта, хочо-чет и бьёт, бьёт!

Выходит на сцену ихний мужик, здоровый, рожа — во! С автоматом. Рукава закатал, а на руках накололи. Кресты, клювы, черепахи. Девка эта злющая на сцену скакнула и кричит: "Сейчас проверим, кто хохол, кто москаль. Давай скачи! Кто не скачет, тот москаль!" И давай скакать. Она скачет, и мужик в наколах скачет, и "нацки" с дубинами скачут. Народ сидит, не понимает, зачем скакать. Мужик как долбанёт из

Из спины дым! Крест на спине, как печатка. Мужчину со сцены выталкивают. "Следующий"! Если женщина, ей пла-тьи задирают и жгут крестом. Она вырывается, её "нацки" держат, а у ней на спине крест дымится. Мальчик, лет двенадцать, худенький, рёбрышки видны. "Дядя, не надо! Дядя, не надо!" Его за волосы держат, спиной к залу. Он лопаточками водит, а ему меж лопаток огненный крест ставят.

Клеймили, пока угли в жаровне ни остыли. Вытаскивают на сцену Аркадия Георгиевича. Руки связаны, ноги связа-ны. "За Россию, говоришь? За Новороссию? Нас отбойным молотком встре-чаешь? А вот мы сейчас из тебя уголь добывать станем". Обмотали переходя-щим Красным знаменем, повалили. Он лежит в знамя завернутый, ногами дер-гает. Мужик вынес на сцену отбойный молоток. Компрессор выкатил. Загрохо-тало, молоток дрожит. Мужик молоток к Аркадию Георгиевичу приставил и воткнул. Страшный крик. Молоток в руках у мужика дрожит, красивые ошмётки ле-тят: то ли кровь Аркадия Георгиевича, то ли знамя. А девка скачет, хочо-чет. Так оно и прошло у нас в Алексеевке, присоединение к России. А ты спра-шиваешь, правильно, что я того гада в высотке добил. Я ему за мальчика с худыми рёбрышками отомстил. Я жду, когда мужика в наколах поймаю и ту девку с глазами змеи. Я им за Аркадия Георгиевича отомщу, по полному рожку в каждого!

Ладный накручивал на палец кольца бороды, и глаза его с чёрными веками горели.

— Ты так рассказываешь, сам что ли во Дворце культуры был? Тоже прыгал? — Лощинину казалось, что под рубахой пузырится ожог.

Ладный отстегнул бронжилет, задрал рубаху, и Лощинин увидел на худой, с зубчатым позвоночником, спине ополченца запёкшийся крестовидный рубец.

Улица среди белёсых пятиэтажек ка-залась тёмной синей рекой с меловыми берегами. Темнота катилась по реке мягами набегающими волнами. В раз-валинах вспыхивали сигареты — курили ополченцы.

Взвод Лощинина укрывался в апте-ке. В соседних дворах, среди детских площадок, прятались боевые машины. Сержант Бур был рядом с Лощинным.

Уклонившись от штурма высотки, он держался вблизи Лощинина, старался быть на виду, ждал приказаний.

— Сходим поразведем с мужиками, — Ладный застёгивал бронжилет. — Дай одного своего.

— Бур! — позвал Лощинин. — Пойдёшь с ополченцами. Докладывай по связи.

— Понял, командир!

Лощинин видел, как удаляется Лад-ный, с ним два ополченца и Бур. Они тянулись цепочкой вдоль мушкетных фа-садов, пропадали за углами, вновь по-являлись. Иногда их не было слишком долго, и Лощинин волновался, ожидал услышать автоматные трески.

Среди пятиэтажек было тихо, но го-род ахал взрывами. Казалось, взрывы аякуются, невидимые великаны бродят по городу, боясь потеряться.

ЛОЩИНИН, упираясь локтем в разбитое железо автобуса, глядел, как по тёмному небу летают крас-ные стайки трассеров. Подумал о жене Гале, как её целовал, и мягко ударили большие старинные часы в деревянном футляре, и Галя вдруг заплакала, горь-ко зарыдала, и он целовал её солёные от слёз глаза и боялся спросить, какая горькая мысль, какое больное предчу-ствие заставили её разрыдаться.

Скрипнула рация, Бур докладывал: — Командир, всё чисто!

— Возвращайся!

Сквозь хруст и бульканье рации Ло-щинин угадал в голосе Бура бодрую весёлость. Его оставили дневные страхи. В бледное лицо вернулся румянец. Смертная тень, скользящая по его лицу, сошла, словно смерть по-блуждала рядом и отступила. Пошла искать другого. Лощинин спрятал Бура от смерти, отослал к танку, дожидаясь, когда в щёки Бура вернётся румянец. Теперь Бур был готов воевать, штур-мовать тёмный, без огня, город, над которым порхали красные мотыльки трассеров.

— Возвращайся! — повторил Лощинин.

Улица струилась фиолетовой тьмой, будто по ней текли чернила. Пятиэтажки мутно белели. Лощинин в бинокль всма-тривался в тёмное течение улицы, стараясь разглядеть разведгруппу. Глаза, после дневного солнца, спящих взры-вов, розовых дымов привыкли к темно-те, обрели ночную зоркость.

Он увидел, как темень улицы дрогну-ла, шевельнулась. Показалась горстка людей. Горстка распалася, из неё вы-делялись отдельные люди, и она снова сжималась. Разведчики возвращались, не таясь. Пятиэтажки вдоль улицы были пустые, без жильцов, без огневых точек. Лощинин ждал доклада разведчиков, чтобы ночью переместить взвод ближе к рубежу атаки.

Разведчики приближались. Казалось, их качает из стороны в сторону, от од-ного тротуара к другому. Лощинин опустил бинокль, ожидая появления Бура.

Раздался разный свист. Рыжий взрыв ударил вдоль улицы, наполнил грохотом, светом. Ослепительно озари-лись дома. На земле замерцало множе-ство стеклянных осколков. Волна света и грохота докатилась до Лощинина. Гла-за жутко раскрылись, и ему казалось, он видит, как в клубах огня летают чёрные песчинки людей.

Взрыв померк. Грохот опал, укатился вглубь города и слился с другими взры-вами.

На улицу вернулась тьма. Только дале-ко тлепо, разгоралось и гасло. Приле-тевший реактивный снаряд выломал из асфальта дыру, разрушил дома и сжёг разведчиков.

Лощинина не достала взрывная волна, не осыпали осколки. Вспышка взрыва ослепила и погасла, но в зрач-ках продолжали мерцать зеркальца, и ополченец Ладный накручивал на палец завиток бороды, и сержант Бур смотрел печальными лошадными глазами, и громадный, с пулемётной лентой, спецназовец появился в те-мноте коридора, и на костлявой спине ополченца пузырился кровавый крест, и темень, накрывшая лицо Бура, отлетела и спряталась, дожидаясь, когда стем-

неет и погаснут фасады пятиэтажек, и Ладный, прихватив ополченцев и Бура, станет удаляться, таясь за домами, и смертная тень краплась следом и ждала, когда Бур передаст по рации: "Чисто!", и тогда она прынула на Бура, превра-тилась в огненный шар и сожгла его, и сколько раз пробили ночные часы в деревянном футляре, и о чём рыдала жена, и тот бистательный московский парад среди золотых куполов, и почто-вые ящики в подъезде высотки, прыжок на обломок лестницы, и распахнутая дверь квартиры, мечутся рыбки в ак-вариуме, раненый спецназовец сидит, прижавшись к стене, и Ладный всадил короткую очередь, и мальчик с худыми рёбрами кричит: "Дядя, не надо!", — и всё это стучит, летит одно за другим, как латунь в пулемётной ленте, и лент-а пуста, и Лощинин лежит в железных остатках автобуса.

ОН ЛЕЖАЛ В НОЧИ, видя, как бесшумно летят огни, похожие на светящиеся жёлтые дыны. Рация на плече хрустнула, будто кто-то раз-грыз орех.

— Сойка, ты?

— Слышу. Какой позывной?

— Нет позывного. Я твоих людей гроба-

нул. Это мой позывной.

— Уйди с волны.

— Я твою волну слушаю. Ты людей ко

мне послал, я их принял.

— Чего хочешь?

— Обмен "двухсотых". Ты мне моих, я

тебе твоих.

— Как себе представляешь?

— Я подвезу на площадь. Там торчит

памятник. Я твоих положу, ты моих. За-

берём и разберёмся?

— Тебе можно верить?

— В высотке мой друг лежит. Верни дру-

га, я твоих верну.

— Согласен. Мне час нужен "двухсотых"

с этажей спускать.

— Добро. Я выйду на связь.

Сержант Бур с печальными лоша-

динными глазами, ополченец Ладный с

огненным крестом на спине пропали в

попынувшем взрыве. В этот взрыв их

послал Лощинин и теперь возвращал

обратно.

Лощинин стоял у подъезда высот-ки и водил фонарем. Фонарь освещал

рванные мешки с песком, россыпь авто-

матных гильз, люльки каруселей, уби-тую женщину в синем платье. В глубине

подъезда вспыхивали фонари, появля-

лись солдаты. Выволакивали за ноги

убитых спецназовцев. Их находили в

квартирах, тащили вниз, они колотились

головами о ступени и лежали на детской

площадке лицом вверх, кто в каске, кто

со спутанными волосами. Фонарь освещ-

ал их глаза, полные холодных слёз,

небритые подбородки, открытые рты с

блеском зубов.

Старший сержант Стол, чертыхаясь,

волочил за ноги громадное пухлое тело.

— Бычина чёртов! Мало его грохну-ть, ещё килу на нём заработай! — тело, шурша, проволочилось по земле и лег-

ло перед Лощинным, стукнув ногами.

Он повел фонарём. Это был пулемёт-

чик, с которым резались на ножах. Руки

бугрились мускулами, пятерни раззаты.

На круглой, как булькини, голове липко

блеснули глаза. На толстых щеках иск-

рилась щетина. Рот был раздвинут в

улыбку, словно усмеялся. Грудь под

пятнистой формой бугрилась горой, и

на ней чернела мокрая клякса крови.

Лощинин приблизил фонарь и увидел

порез, оставленный ударом ножа. По-

чувствовал, как под бронжилетом за-

ныл, запомил синяк. Тесак сверкнул

в полёте, и — удар, и он отшатнулся,

оглушённый, а пулеметчик шёл, разве-

дая руки, растопырив толстые пальцы, и

ревел, и зубы его блестели, и Лощинин

хрипел в могучих лапах, помавших ему

горло, и нож туг вошёл под ребро, и Ло-

щинин последним усилием продвинул

нож глубже и рухнул, придавленный

и бурно дышащей тушей, слыша, как

булькает чужая кровь.

Теперь убитый им пулемётчик улы-

бался, словно всё случившееся каза-

лось ему смешным. Лощинин светил

фонарём и хотел понять, что рассмеш-

ило пулемётчика в секунду смерти. Ло-

щинин об этом узнает, когда встретится

с пулемётчиком в другом, несуществую-

щем городе. Они вспомнят бой в высо-

тке и оба помянутся.

Подкатил грузовик. Ополченец, не

выходя из кабины, крикнул:

— Отвалите борт! Аккуратненько, акку-

ратненько, не дрова!

Старший сержант Стол, рядовой

Няня, ефрейтор Буза за ноги, за руки,

забрасывали в кузов убитых. Лощинин

залез в кабину.

— Едем своих вырывать. Эх, мужики, му-жики! — сокрушался водитель. Лощинин в темноте не видел его лица, только чув-

ствовал, как от него пахнет луком.

Не зажигая фары, с бледными под-фарниками, катили по улице. Лощинин держал между колен автомат. Смотрел, как мутно белеют фасады. Грузовик под-

скакивал на рывках, оставленных в асфальте снарядами. Переехал что-то

твёрдое, как бревно.

— Кто их уберёт? Народу в домах не

осталось!

Миновали улицу и выкатили на площадь. Дома вокруг казались зату-брёнными, с провалами стен. В центре

площади стоял памятник: высокий по-стамент, и кто-то воздел руку, как ба-

лерины. В чёрной синеве летели белые, догонявшие друг друга огни. Сыпались

красные ворохи трассеров. Ночные бои шли по всему городу. Горели пожары,

рушились стены, ползали танки и бо-евые машины. Но здесь бои стихли и

возобновятся под утро, когда последует приказ наступать.

На площади было пусто. От украин-цев никто не появился. Грузовик встал

у памятника. Солдаты откинули борт и сбросили трупы. Тела стучали и хлюпа-

ли. Солдаты отсаскивали их к памятнику и клали в ряд.

Так приносят дары.